

Авторы выражают глубочайшую благодарность за помощь в работе над текстом своим друзьям и читателям: Алексею Ильину — за строгость и деликатность, Галинке — за внимательность и такт, Лиске — за несгибаемость и умение говорить горькую правду в лицо, Ашвине — за бесподобное стихотворение-песню и за то, что оно получилось еще лучше предыдущего, Лене (Chelcy) — за ценные замечания и помощь в отсечении ненужного, а также всем френдам с СИ, которые искренне полюбили выдуманный нами мир.

Друзья, спасибо вам за поддержку и понимание!

ПРОЛОГ

Ослепительный свет пролился в землянку.

Яркий, палящий, он выжег глаза, заставляя выть от боли, корчиться, скулить.

Больно!

И тут же молнией в голове: «Охотники!!!»

Дикий ужас поднялся из живота к горлу, подпрыгнул тугим комком, а потом упал обратно. Волна жара. Выступивший пот. Все быстро. По-звериному быстро.

Вскочить и ринуться в слепящее марево. Не видя, не в силах разомкнуть веки. Прыгнуть только на звук, на запах.

Человек!

Рассыпаться яростным рыком и... захлебнуться хрипением, болью, кровью. Налетел на железо. По брюху стекает горячее, липкое. Нутро полыхает огнем. И тут же запахи, звуки — все навалилось. Визг щенков, рык и хрип погибающей Стаи.

А когти жалко скребут утоптанную землю. Только бы встать! Я поднимусь, поднимусь. Ты сам кровью захлебнешься. Я встану, вот увидишь. Скотина! Поднимусь.

Но прежде — ползти. Ползти на звук. На слабое поскуливание. Где ты, родная? Ничего не вижу. Ползти на запах — ее запах! Пересохшим широким языком лизнуть окровавленную оскаленную морду.

Я здесь, очнись, очнись... Я тут. Родная моя.

Ярость. Ох, какая ярость! Кто бы знал, откуда силы взялись.

Прыгнуть, вспахивая залитую кровью землю.

Разорву тебя, убью тебя, тварь жестокая! Зачем их? Щенков зачем? Ее зачем? До глотки доберусь. Сдохну, но доберусь. Убью тебя, тва...

Огромный, истекающий кровью волк тяжело прыгнул. Фебр взмахнул мечом и перерубил зверю хребет. Туша рухнула на утопанный пол землянки. Черная кровь лилась из раны толчками.

— Здоровый какой, скотина, — с чувством сказал ратоборец, вытирая клинок о жесткую шкуру. — Откуда в них тела столько, когда оборачиваются? Мужичонка-то был хилый, а гляди — выверился в какого...

Тот, к кому он обращался, — облаченный в серое одеяние колдун — присел на корточки рядом с хищником.

— Да Встрешник их разберет... — Он положил ладонь на широкий лоб волколака и заговорил слова заклинания.

Ратоборец тем временем огляделся. Яркий солнечный свет, льющийся в распахнутую дверь, освещал убранство убогого жилища и безжизненно лежащих обитателей: нескольких щенков и прибылых, двоих переярков, суку и матерого.

Пока Фебр обходил оборотней, небрежно пиная ногой то одного, то другого, дабы наверняка удостовериться, что мертвы, в дальнем углу, там, где грудой была свалена меховая рухлядь, кто-то завозился.

Обережник занес меч для удара и шагнул вперед. Он уже был готов убить, но из-под обтрепанных заячьих шкурок высунулась девичья голова — кудлатая, взъерошенная. В глазах испуг, да что там — ужас.

Девка растерянно моргала, но дневной свет не причинял ей боли, не делал незрячей.

— Ты откуда тут? — шагнул к ней мужчина, убирая оружие в ножны. — Как звать-то?

Она сгребла руками пыльные шкурки, прижала их к себе и тихо-тихо ответила:

— Светла... Светлой звать. Я тут давно живу, ой, как давно...

Фебр наклонился к ней и, взяв за плечи, осторожно поднял. Девушка отводила глаза, избегая на него смотреть.

С виду ей было лет двадцать. Пригожая. Волосищи вились крупными кудрями, да только не убраны, как положено, в косу, а заплетены-переплетены нитками, веревками, кожаны-

ми ремешками, отчего вид у несчастной делался совсем неладный.

— Ты откуда тут? — снова спросил ее ратоборец.

— Не помню... Ты меня не трогай, родненький, — заплакала вдруг найдёна. — Не трогай, Хранителей ради. От тебя страданием пахнет, и смерть за спиной стоит: крылья простерла, в душу смотрит. Страшно мне!

Колдун и воин переглянулись.

— А ну-ка, — сказал наузник, — идем со мной.

И, взяв блаженную за руку, повел ее прочь.

В лесу было тихо, тепло и безветренно.

— Полян, она — в себе? Может, обращается? — спросил вышедший следом Фебр.

Полян осматривал девушку, поворачивая ее за подбородок то так, то эдак, заглядывал в глаза.

— Нет. Видать, возле деревни какой-то скрали. Сожрать, поди, хотели.

Его собеседника не особо убедили эти слова, поэтому он подошел и беззастенчиво раздвинул губы дурочки указательным пальцем — пощупал клыки, осмотрел внимательно другие зубы, покрутил девчонку, ощупывая спину, плечи, затылок.

— И впрямь не волчица, — задумчиво сказал ратоборец. — Видать, рассудком тронулась. Ты откуда, горе? Хоть помнишь — из рода какого?

Она покачала головой, не поднимая глаз.

— Чего с ней теперь делать-то? — И Фебр крикнул в сторону: — Орд!

— Да здесь я, — послышалось из-за деревьев. — Чего орешь, волколак, что ли, подрал?

— Нет. Гляди, какую пригожую сыскали. — И воин указал на застенчиво перебирающую складки рубахи находку.

Названный Ордом подошел, положил девушке на голову теплую ладонь и сказал:

— Скаженная. Видать, зачаровали, а она рассудком поплыла. В Цитадель везти надо. Не тут же бросать. Родню теперь и не сыщем.

— Верно, — кивнул Полян, — в окрестностях бабы не пропадали. А у ней, по летам судя, дети уж должны быть. Годков-то тебе сколько, краса ненаглядная, а?

Светла подняла на него глаза — темно-карие, но с дольками пронзительной синевы, пролегшими от зрачка.

— А не помню я, милый человек. Иной раз и вспомню, а потом снова не помню. — Она виновато развела руками. — Да ты не кручинься. И ты тоже!

Блаженная повернулась к Орду, старательно не замечая стоящего между этими двумя Фебра:

— На вот, гляди, что у меня есть. — И девушка протянула целителю сосновую шишку. — Смотри, красивая какая.

Он в ответ хмыкнул.

— Полян, девку ты повезешь, — меж тем сказал Фебр.

Колдун поморщился — за семь верст киселя хлебать! Два дня по ухабам трястись с дурочкой в сопутницах.

— Фебр, может, ты сам? — спросил мужчина с надеждой.

Все же ратоборец только-только покинул Крепость, и наверняка был бы рад случаю снова там побывать. Но тот в ответ покачал головой:

— Ага, сам... Как я ее кровью мазать буду? И так вон трясется. А мне ее в бережной черте без крови не удержать.

Орд кивнул, признавая правоту этих слов. Колдуну-наузнику и впрямь не нужно руду лить, чтобы на ночлег остановиться. К чему скаженную девку страшать, она и так дрожит, словно бельчонок.

— Поехали, хватит топтаться. Ты всех упокоил? — спросил целитель у колдуна.

— Всех, кто не Даром был пришиблен.

— Едем.

Светла послушно отправилась за мужчинами, не пытаясь упрямитесь или бежать. Когда Орд подсадил ее на спину своего коня, девушка вдруг вцепилась мужчине в запястье и прошептала:

— Родненький, воин ваш — не злой вроде парень, отчего же смерть с ним рядом в седле едет? — и посмотрела своими дикими глазницами на разбирающего поводья Фебра.

У Орда по спине пробежал холодок. Лекарь даже оглянулся, чтобы увидеть то, о чем говорила скаженная. Очень уж правдиво у нее это вышло. А потом досадливо плюнул — мол, поддался на рассказы убогой! — и ответил:

— Никто с ним рядом не едет. Сиди уж.

Но Светла в ответ лишь покачала головой.

Сторожевая тройка уезжала от разоренного логова, и никто не заметил поджарого переярка, залегшего за старым выворотнем.

Зверь встал, отряхнулся и устремил пронзительный взгляд зеленых глаз в спины охотникам. Видно их из-за деревьев было уже плохо, но волк все-таки заметил, как Светла, сидящая позади целителя и держащаяся за его пояс, чтобы не упасть, украдкой обернулась и помахала рукой.

Хищник переступил с ноги на ногу, словно прощаясь с девушкой, и потрусил прочь — в лесную чащу.

Тамир въезжал в родной город погожим и ясным утром.

У тына шумело многолюдство — казалось, все окрестные веси съехались на торжище. Ворота стояли распахнутыми: в них неспешно и чинно тянулись телеги с добром, верховые и пешие гости.

Люди везли то, что успели наработать за долгие зимние вечера, когда большую часть суток сидели в четырех стенах. Ткани, узорочье, горшки, ложки, веревки, меховая рухлядь — это продавалось либо выменивалось на соль, птицу, зерно, железные крицы... словом, на все — от ножа до телеги.

Колдун ехал медленно, пробираясь через могучий людской поток: пестрый, крикливый, беспорядочный...

Видя серое одеяние, народ расступался, кланялся, торопясь дать дорогу наузнику. Но тот не спешил. Лениво посматривал по сторонам, не выказывал досады или небрежения, да только все одно среди всеобщей суеты казался сошедшим на землю навием — вроде бы и человек, а вроде бы и нет.

Странник словно не замечал любопытных и опасливых взглядов, только усмехнулся про себя, услышав, как неказистая бабенка, напоминающая встрепанную галку, громко шептала стоящей подле нее товарке — дородной девке с румянцем во всю щеку: «Нешто опять из городу не выехать седмицу? В конце таяльника ведь приезжали уже за выгучами!»

Молодица же всплеснула руками: видимо ли дело — при таком-то скоплении да застрянет все это людство в городских стенах, пока посланник Цитадели ищет Осененного!

И ни одна живая душа не признала в прибывшем сына пекаря Строка — добродушного, сдобного, как его хлебы, мальчишку.

Тамир все ждал — когда же дрогнет сердце? Вот улочки, знакомые до спазма в горле, вот дома, которые помнит еще с

детства. Совсем не изменилась старая корчма с тесовой крышей. И дорога, мощенная деревянными плашками, тянется как прежде. А ведь пять весен прошло. Отчего же кажется город чужим и родным одновременно? Будто в душу стучится и не может достучаться память.

Вот и дом родительский. Та же околица, те же ворота, только покосившиеся, та же кровля. А старая липа за частоколом по-прежнему полощет ветвями небо...

Колдун спешился, взял коня под уздцы и постучал в просевшие створки. Как бы не рухнули, окаянные! На грохот дребезжащим лаем отозвался пес. «Надо же, жив еще», — подивился Тамир, вспоминая кобеля по кличке Звон, которого еще слепым щенком выменял на калач у соседа и тем самым избавил от участи быть утопленным.

На стук и собачий брех из дома выскочил кто-то уж больно резвый на ногу. Прошлепал к воротам, повозился с засовом...

Страннику открыл вихрастый парнишка весен тринадцатичетырнадцати, следом за которым, опираясь на кривую палку, вышел... отец. Сын смотрел и не узнавал в согбенном дряхлом старце того, кого помнил еще крепким, полным сил. Сердце не дрогнуло. Лишь рассудок настигло, наконец, запоздалое понимание, что дома не был очень давно. И, верно, таким же изменившимся, каким ему показался отец, видел его и сам Строк. Потому что он близоруко щурил слезящиеся глаза, смотрел на гостя внимательно, но без узнавания. Мальчишка же держал хозяина дома под локоть и пялился на колдуна, забыв о почтении. Обшаривал взглядом серую одежду, запыленный плащ, коня с ладной, крепкой сбруей.

Обережник молчал, давая старому и малому разглядеть себя.

Повисла тишина.

И вдруг Строк нерешительно вытянул вперед подрагивающую морщинистую руку и с какой-то обреченной надеждой прошептал:

— Тамир?

Сын в ответ кивнул, понимая, что в высоком поджаром мужчине, с коротко остриженными темными волосами, бледной кожей и навек исчезнувшими веснушками, трудно узнать толстого неуклюжего дитяню, ушедшего следом за креффом.

— Тамирушка... вернулся...

И не обращая более внимания на то, что незнакомец, посту-
чавшийся нынче в ворота, мало общего имел с тем, кто некогда
за эти ворота вышел, отец притянул к себе родное дитя.

— Сыночек... — Сухие руки стискивали плечи Тамира, тог-
да как седая макушка родителя едва доставала ему до подбор-
одка.

Неловко обнимая старика, колдун думал о том, что вот этот
почти ослепший дед когда-то давным-давно учил его мудре-
ному ремеслу хлебопека. Как же так получилось, что наука,
впитанная едва не с материнским молоком, навсегда выветри-
лась из головы, стала чужой всего-то за пять лет, проведенных
в Цитадели? Такой же чужой, как этот человек, что зовет его
сыном и столь крепко сжимает в объятиях.

— Будет, будет, — сухо сказал мужчина и высвободился. —
В избу идем.

Старик часто-часто закивал и заговорил, давась словами:

— Радость-то какая... вернулся... а мать-то ведь по осени
схоронили. Не дождалась тебя. Умирала, все говорила:
«Сыночку бы повидать, хоть обнять напоследок, словом пере-
молвиться». А я вот, видишь, дожил, пень придорожный! Те-
перь и помирать можно. Сынок, дай нагляжусь на тебя!

Тамир настойчиво повел отца в дом, переводя беседу с жа-
лостливого лепета на разговор более насущный.

— По осени? — уточнил он.

Строк закивал:

— Настудилась, занемогла да в три дня сторела от лихорад-
ки. Уж и целителя я звал, да только он руками развел, мол, от
старости и тоски припарок не придумано.

Сын нахмурился и спросил:

— Обряд-то по уму провели? Не поднялась? — Он шагнул в
темную, душно натопленную избу.

— Не поднялась, что ты! — замахал руками старец. —
Из сторожевой тройки колдун отчитывал. Нам же в прошлом
годе нового наузника урядили.

— Схожу на жальник, проверю, что он там отчитал, — ото-
звался Тамир, в душе не доверяющий никому, кроме себя, и
повернулся к стоящему в стороне оробевшему пареньку:

— Коня расседлай да сумы переметные в избу неси, нечего
столбом верстовым стоять.

И так были сказаны эти слова, что застывший в изумлении
мальчишка мигом ожил, поклонился и убежал во двор, только

пятки замелькали. Старый хлебопек метнул на сына удивленный взгляд: не думал он, что его Тамир, прежде такой неуверенный и мягкий, сможет когда-либо говорить так властно. И слышалось, что привычка приказывать давно и прочно прижилась в его низком негромком голосе.

Отец растерянно глядел на возмужавшего наследника, который казался ему таким чужим, непонятным. Если бы не лицо, в чертах которого угадывался облик почившей жены, Строк небось и вовсе усомнился бы в своем родстве с этим суровым незнакомцем.

— Скажи, есть ли у тебя нужда какая? — тем временем спросил Тамир.

Хозяин дома виновато ссутулился, думая, будто сын хочет упрекнуть его, и залопотал:

— Ты уж прости, родной, нет у нас уюта прежнего. Млава как умерла, так и опустела изба без хозяйки. Не сердчай...

И он обвел рукой горницу, словно прося прощения, что встречает единственное дитя в таком убогом убранстве.

Обережник проследил за движением сухой ладони.

Изба как изба. При матери, знамо дело, и тканки на скамьях чище были, и полы выскоблены так, что глаза слепило. Но в остальном все, как пять лет назад, — знакомые с детства сундуки, ткацкий стан в углу, прялка с куделью. Вроде ничто не изменилось, лишь побледнело, постарело и без хозяйки словно бы осиротело. Да и пахло в доме не стряпней и чистотой, а дымом и пылью. Колдун покачал головой. Заметив это, старик зачастил:

— А ты как доехал, сынок? Может, баньку натопить?

Скрипнула дверь, и в горницу зашел с переметными сумами на плече давешний мальчишка.

— Это кто? — словно не слыша отца, кивнул наузник в сторону паренька.

— Дак Яська, — испугался Строк. — Ты его помнить должен, матушки твоей сестрич. Родня его по зиме сгубла — в печи среди ночи камень обвалился, дым в избу пошел. Угорели все: от мала до велика. Парень уцелел оттого лишь, что накануне у нас загостился да заночевал. Я и приютил его: ни кола, ни двора у горемыки, хозяйство немудреное все на оплату обряда ушло, шутка ли — девять душ разом упокоить! Так что оба мы с ним, выходит, сироты.

— А ну, подойди, — приказал Тамир Яське.

Тот испуганно шагнул вперед и замер, глядя округлившимися от почтения и страха глазами.

— Вроде руки есть у тебя. Иль две слишком много? Одну можно вырвать?

Мальчишка сошел с лица и захлопал глазами, не понимая, за какой проступок ему прочат такую страшную участь.

Колдун пояснил:

— Что ж ты живешь, словно чужин? Ни чистоты, ни порядка. Захребетником вздумал стать?

От его холодного голоса, от пронзительного взгляда темных глаз несчастного Ясения прошиб пот.

— Тамирушка, Тамирушка, — залопотал отец, пытаясь оправдывать парня, — дите ж он еще. Да и не девка — по хозяйству-то проворить...

— Спроворит, ежели не хочет, чтобы я ему руки повывергивал, — отрезал сын.

Старик отшатнулся, не веря, будто его родное чадо может вот эдак напуститься на ни в чем не повинного сироту. Зато побелевший от страха паренек бросился торопливо накрывать на стол, меча из печки немудреную снедь: жидкие зеленые щи, кашу, сваренную, видать, позапрошлым днем, пареную репу.

Тамир ел и хмурился. Щи были пустые, хлеб глинистый, каша слипшаяся. Наконец колдун не выдержал, отложил ложку и мрачно спросил:

— Эдак вы каждый день столуетесь?

Отец по-прежнему виновато развел руками. Сын поднялся, подошел к скамье, на которой лежали переметные сумы и, пошарив в одной, извлек завернутый в холстину каравай, шмат сала, несколько головок чеснока и вяленое мясо. Достав из-за пояса нож, он принялся нарезать яства толстыми пластами, но замер, почувствовав пристальный испуганный взгляд.

Яська смотрел на нож глазами, полными ужаса. Видать, промелькнуло в умишке, что этот самый клинок резал и руку колдуна, и мертвую плоть какого-нибудь покойника и... Хранители ведают, что еще. Тамир усмехнулся и на кончике ножа протянул мальчишке темно-красный кусок говядины.

Будто зачарованный, Яська взял лакомство, но так и застыл, от ужаса и отвращения не имея сил поднести его к губам. Да еще проклятый колдун другой кусок себе в рот отправил и глядит прямо в глаза, жует.

Желудок подпрыгнул пареньку к горлу, и Яська вынесся в сени, зажав рот ладонью.

Строк лишь горько вздохнул. Даже когда умерла Млава, не чувствовал себя старик таким обделенным, таким... обокраденным. Кто сейчас сидел с ним за одним столом? Разве Тамир? Не было у его сына таких пустых глаз! Не было этого холода в голосе. Звонким был парень. И сердце у него пылало, и глаза светились. А этот неведомый чужин кто? Словно подменили его креффы в Цитадели! Перекроили на свой лад, не оставив ничего от трудов отца и матери. Забрали дитя ласковое, а вернули неведомо кого. Холодного. Словно мертвого.

Только и радовалось родительское сердце, что сын все же жив. Не сгинул. Жаль, душа у парня озлобилась. Но душа ведь как птаха: приласкай, обогрей — и затрепещет. Найдется красивая, стройная, с очами ясными — оживет его сын, как иные, жизнью битые, оживали.

— Сынок, как жить теперь будем? — осторожно спросил старик. — В летах ты уже таких, что пора бы и жену в дом вводить...

Услышав это, обережник усмехнулся:

— Отец, какая жена? Я — колдун. Вне рода мы. Вне обычая. И семей у нас нет. В городе я не останусь. Повидаться приехал. Проведать. А завтра обратно в Цитадель отправлюсь, на мой век там покойников хватит.

У Строка жалко вытянулось лицо. Возникший было в дверях Яська круто развернулся и снова кинулся обратно, едва сдерживая рвоту.

— Прости, сынок, не разумею обычаев ваших. — Старик вытер глаза.

— Не по сердцу тебе, что я труповодом стал? — спросил Тамир, сам не понимая, откуда, из каких глубин души лезет эта желчь и изливается на породившего его человека.

— Не труповод ты, — вдруг твердо ответил отец, — ты сын мой. Им и останешься.

И старик порывисто обнял этого чужого рослого мужчину, которого не понимал, но которого тем не менее любил всем сердцем и в котором чуял родную кровь. Чуял даже сквозь отчуждение, пролегшее между ними, сквозь долгие годы разлуки.

— Пойдем на буевище, сынок, — хрипло произнес Строк. — Матери поклонись. Она все глаза выплакала, тебя дожидает

ясь. А уж когда из Цитадели возвращалась, по две седмицы как мертвая на лавке лежала.

— Она ездила ко мне? — удивился Тамир.

— Покуда силы были: в год по два раза. Да все впусте.

«Видать, Донатос не пускал, — догадался колдун, — знал, что на пользу не пойдет. Оно и верно».

...На жальнике, который прятался в рощице за городским тыном, Тамир с отцом пробыли до вечера. Колдун подправил холмик, окропил его кровью, словно не доверяя тому, кто по осени затворил матери путь в мир живых. Зарыл в могилу оберег с мудреным наузом, чтобы никто не смог Млаву поднять и потревожить.

После этого они с отцом долго стояли и молчали. Сыну было нечего сказать, а старику, который худым, костлявым плечом прижимался к молодому, налитому силой, говорить не хотелось. Он было решил вспомнить, каким Тамир был в детстве, но поглядел на его застывшее лицо и проглотил рвущиеся с губ слова.

Когда они возвращались назад и уже почти подошли к воротам, Строк стиснул обережника за локоть и заговорил:

— Ты прости, ежели что не так, сыночек. Может, обидно тебе, что Яську я пригрел?

— Да пускай живет, — отмахнулся колдун. — Ему защита, тебе подмога.

— Пойми, Тамирушка, — вновь заговорил отец, пытаюсь объяснить сыну ход своих мыслей. — Стар я. Пекарню вон хотел совсем закрыть, не осталось силы на труд. А чужих нанимать боязно. Ум надо живой, острый иметь, чтобы за делом следить, чтоб не захирело да не разворовали. А я, сам видишь...

Он виновато развел руками и продолжил:

— А Яська вроде свой — родня, да и один как перст. Авось и сбережет дело родовое. Да и мне не так муторно. Вот закончишь служение, вернешься — будет что перенять в оборот.

Колдун сперва даже не понял, о чем толкует собеседник. А когда понял и заглянул в выцветшие, слезящиеся глаза, то слова, готовые сорваться с губ, примерзли к языку. Сколько было в Строковом взоре надежды! Не смог сын разуверить отца в обратном. А потому молча кивнул и сжал костлявое плечо. Незачем старому хлебопеку знать, что служение Цитадели не закончить до самой смерти.

Вечером, дождавшись, покуда отец заснет, Тамир сдернул с сундука посапывающего Яську и потащил того на двор. Паренек от ужаса лишился голоса и разевал рот в беззвучном крике, цепляясь за дверь. Решил, видать, что хотят его вышвырнуть на улицу, на потеху Ходящим. Но обережник безжалостно выдернул трясущегося мальчишку из избы, да еще пинком приободрил:

— Не блажи, — шикнул колдун, — со мной не сожрут. Поговорить надо.

Малец отчаянно закивал и попятился обратно в дом.

— Да стой ты, дурень, — зло дернул его за ухо мужчина, не желая пускаться в долгие объяснения о том, что бояться нечего, поскольку защитные резы на подворье он обновил.

За шкирку Тамир выволок трясущегося паренька под старую липу, отвесил пару затрецин, чтобы перестал вырываться, и сказал:

— Слушай и вникай, бестолочь. Я через день уеду. Завтра поутру сбегаешь за посадником, скажешь: на Строковом дворе ждет его колдун. Пусть придет — дело до него есть.

— Господин, — залепетал мальчишка, у которого горели разом и затылок, и ухо, — дак он же меня и слушать не станет...

Перед глазами стали роскошные хоромы городского головы, к которым и подступиться-то было боязно. Да еще в вихрастой голове Яськи не укладывалось, что почтенный Хлюд — самый богатый купец Елáшира — к кому-то явится по приказу, будто холоп.

— Как же я такое самому посаднику скажу?!

Но наузник не разделял его робости, лишь усмехнулся и ответил:

— Ртом.

В ответ Яська испуганно икнул и в душе взмолился Хранителям, чтобы сын Строка побыстрее отбыл восвояси — в Крепость или еще куда, подальше отсюда только. В умишке же шевелилась тревожная мысль: «Такой прирежет — и рука не дрогнет. А потом еще и поднимет». И мальчишке блазило, будто бы въяве он чувствовал страшную силу, которая волнами расходилась от этого молодого мужчины. Но Тамир даже не заметил, какой жути, сам того не желая, нагнал на паренька, и продолжил говорить:

— Завтра, едва от старосты вернешься, весь дом от крыльца до охлупня отмоешь. И не приведи тебе Хранители хоть вер-

шок пропустить. Удавлю, как кутенка. Чтобы к вечеру вся изба блестела. Впредь будешь держать все в чистоте, а за отцом моим ходить, как за родным. Одряхлел он, но на закате лет жить будет как человек, а не как свинья в хлеву. В баню води каждую седмицу. Стирай. Хлебово готовь. Да, пока он в разуме, проси, чтобы ремесло передал. Как помрет — дом и пекарня тебе отойдут. Посаднику скажу завтра. Но заруби на носу: узнаю, что слово худое отцу сказал, обворовал или хоть на оборот кончину его приблизил — живьем в землю зарую.

Обмирающий Яська кивал.

— Понял хоть, что я сказал-то? — беззлобно усмехнулся колдун.

Парнишка распахнул глаза, соображая. До него лишь сейчас стало доходить, что Тамир только что уступил ему, сироте, родовое ремесло вкупе со всем родительским добром.

— Как же так, господин? Коли мне все достанется, ты-то что наследовать будешь? — залепетал мальчишка.

— Я все, что надо, унаследовал — кровь, плоть их да Дар свой. Остальное мне не нужно. А необходимое — в переметных сумах уместится. Если еще вдруг сюда вернусь, думаю, отыщешь мне в доме лавку и куском хлеба не обнесешь. Ну... а обнесешь коли, так и я забуду, что тебе обещал, и сотоварищи мои не вспомнят, — усмехнулся он и, больше не говоря ни слова, отправился в избу спать.

Яська потрусил следом, наступая наузнику на пятки. Первый раз в жизни оказался он ночью вне стен дома, оттого и поджилки тряслись.

Не-э-эт, о свалившемся на голову богатстве лучше в тепле под одеялом думать. Правда, поперед того как мечтать, еще вспомнить надобно, как матушка дом прибирала — труд-то завтра немалый предстоит.

На следующее утро Тамир сварил похлебку из ячменя, мяса и чеснока. По избе плыл дивный дух. Даже Строк, обычно со стариковским равнодушием садившийся за стол, и тот оживился и поел в охотку. Но едва Яська облизал ложку, как обержник посмотрел на него со значением.

Парнишку из избы словно ветром сдуло. Только дверь хлопнула.

— Куда это он? — изумился Строк.

— За Хлюдом, потолковать мне с ним надо.

Старик в ответ приосанился и важно огладил бороду. Отцовское сердце наполнилось гордостью за сына. Сам посадник к нему явится! Жаль, Млава не дожила...

Украдкой смахнув слезу, Строк посмотрел на Тамира и вздохнул. Может, и к лучшему, что мать не видит его. Сколько раз блазились отцу, как возвращается сын, как входит в дом, как обнимает его. Родной, ласковый... А приехал мужик чужой. От Яськи нет-нет, да услышишь слово ласковое, а этот вон молчит, словно камень. А ежели чего и скажет, то словно крапивой стеганет. Злая наука стесала с приветливого, улыбочивого паренька всю радость...

Когда посадник постучался в дом, старый хлебопек уже начал подремывать, убаюканный тишиной и собственными путаными мыслями. И вот тебе — Хлюд стоит в дверях: принаряженный, в новых портах, скрипящих сапогах и хрустящей от чистоты рубахе. Городской голова отыскал глазами сидящего в дальнем углу под воронцом колдуна, поклонился в пояс и степенно произнес:

— Мира в дому.

— Мира, — отозвался наузник и поднялся.

Хлюд стоял, неловко переминаясь с ноги на ногу и поджимая пальцы, больно намятые тесными сапогами. В душе он проклинал жену, заставившую его надеть обнову, но испросить позволения сесть не решался.

— Малец сказал, дело у тебя до меня есть, — начал посадник, но под немигающим взглядом темных глаз стушевался.

Если бы не сказал ему Яська, что к Строку сын приехал, сроду бы не признал Тамира. С тем, прежним парнем, посадник знал, как говорить, этот новый был ему незнаком.

— Есть. Идем потолкуем. — С этими словами колдун кивнул мужчине на улицу.

Хлюд вышел на свежий воздух, глубоко и с наслаждением вздохнул, обернулся к обережнику, ожидая, что тот скажет.

— Вот что, Хлюд. Ты в городе этом всем суд и совесть. Просьба у меня к тебе. После смерти отцовой за Яськой присмотри. Ему все добро оставляю. Он же и дело отцово продолжит. Упреди, чтоб гвоздя со двора не пропало. Ну как обманут парня или обдурят ловкачи какие?.. И последи, чтоб стол поминальный небедный был, об упокоении сам условлюсь, — в руку Хлюду лег кошель с монетами. — Что останется — парню от-

дай, не чини ему обиды. Без того натерпелся. Отцу ни слова не говори. Пусть спокойно век доживает.

Посадник понятиливо кивнул и убрал кошель.

— По совести сделаю, Строкович, не держи за душой. Как скажешь, так и будет.

Тамир благодарно кивнул:

— Хвала.

— Мира в пути.

— Мира в дому.

На том и разошлись.

Посадник только подумал про себя, что Строк на старости-то лет, видать, совсем из ума выжил. Уж и скаженному ясно: не будет колдун с опарой возиться, когда от Ходящих роздыху нет. Чуть не целые веся пропадают, а Строк все одно — о караваях своих печалится!

Забравшись на лошадь, Хлюд отправился домой, гадая, как так вышло, что толстомясый добродушный и бесхитростный сын старого пекаря переродился в Цитадели в этакого мужа, которого со Строком даже в дальнем родстве не заподозришь. Эх, этого бы чернеца-молодца да засватать бы за молодшую дочку — была б за ним дура-девка как за каменной стеной: и сыта, и в довольстве, и под приглядом.

А еще среди этих дум нет-нет, а вспоминалась посаднику жена, и хотелось взгреть сварливую бабу за то, что заставила напялить новые сапоги.

Едва не до темноты Тамир просидел у сторожевиков.

В городе он застал двоих. Еля — выученика Дарена, да Стеха — выученика Лашты. Парой лет раньше они покинули Цитадель и с той поры там не появлялись, передавая оброчные деньги с оказиями.

Целителя из тройки колдун не застал, Нияд — выуч Русты — уехал по окрестным весям договариваться с травниками, чтобы заготовили сушеницы. До вечера бывшие послушники Крепости проговорили, делясь новостями — кто как доучился, кого куда отправили, появились ли новые креффы, не погибли ли кто из нынешних, нет ли вестей из дальних городов, где особенно неспокойно.

— У нас этой зимой оборотней откуда-то поналезло — без счету. Чуть не через стены перепрыгивали, — говорил Ель в сердцах.

— И покойника ныне, пока отчитаешь, чуть не всю кровь с себя сольешь, — кивал Стех. — Иной день и по три раза заговор проговариваешь, и резами все исчертишь, а он, глядь, поднялся через пару суток, проклятый.

— Мать мою ты отчитывал? — спросил глухо Тамир.

— Я? Неужто не так что?

Обережник покачал головой:

— На совесть все сделал, я бы лучше не смог.

— Ты бы... — усмехнулся мужчина. — Да ты, умей Дар видеть, повыше Донатоса бы сидел в креффате.

— Хорошо, что не умею, — усмехнулся Тамир. — Ездить выучей искать — то еще терпение нужно. У меня таких запасов нет.

— Дай Хранители, чтоб находились они, а то вон говорят, по Клесховым сорокам ни одного не сыскали. А ведь он ранее не ошибался, — помрачнел ратоборец.

Все трое замолчали. А что скажешь? С каждым годом Ходящих все больше. И вина за это лежит на них — Осененных Даром. Точнее, на одном из них. Да только болтать об этом Тамир не станет. Хотя... кто ж поверит ему, что Встрешника видел, да еще и говорил с ним?

Перед тем как попрощаться, сын Строка попытался всучить колдуну кошель — плату за отца. Но тот лишь отмахнулся:

— Хранителей бойся! Очумел уж совсем. Неужто ты б с меня денег взял, попроси я мать или сестру упокоить? Иди себе; коли буду я тут и дальше в сторожевиках — все в посмертии для отца твоего сделаю. А не буду, так Ель попросит — другой сделает. Мира в пути.

На том и расстались.

Забрав от сторожевиков оброчные деньги, наузник отправился домой. В сених его ждал завернувшийся от вечерней прохлады в меховое одеяло Яська.

— Господин, а ты в который день уезжаешь?

— Хочешь сказать загостился? — усмехнулся мужчина.

— Что ты, что ты! — испуганно замахал руками паренек и покраснел, собираясь с духом. — Я... это...

Он замялся, а потом выпалил на одном дыхании:

— Вызнать хотел, что за хлебы ты предивные пек. У батюшки твоего спрашивал, он говорит, не знает.

Обережник улыбнулся:

— Нет в том никакой тайны. Душу вложишь — все получится, — сказал и почувствовал, как в горле отчего-то пересохло и запершило.

Вдруг с опозданием Тамир понял, что ничего от того времени не осталось. Кроме памяти. Да и та уже поблекла, выцвела. Будто не с ним все было. Не его мечты, не его надежды... Оттого, должно быть, и следующие слова произнес он мягко, без прежней отрывистой сухости:

— Ты главное, Яська, помни о том, что хлебы твои — это чья-то радость. Вот испортишь замес — радости кого-то лишишь. Ну сам подумай: не поднимется опара — сделаешь калач, а он выйдет сухарь сухарем. Купит его, скажем, парень, захочет девку побаловать, а она об этот калач зуб сломает.

Мальчишка прыснул, а Тамир вдруг, сам не зная зачем, потрепал его по вихрастой макушке.

— Ты дело свое делай так, чтобы тебя за него словом добрым вспоминали.

Яська осмелел, почувствовав отеческое касание ладони на затылке, и спросил:

— А пойдем завтра утром попробуем?

Колдун посмотрел на него с горькой улыбкой, которая как-то сразу омолодила и будто бы раскрасила его жесткое лицо:

— Дурень ты. Кто ж этот хлеб купит?

Паренек непонимающе хлопал глазами. Его еще детский умишко не охватывал всего того, что мигом разумеют взрослые.

Тамир пояснил:

— Забыл, как вчера полдня блевал, когда я тебе мяса своим ножом отрезал? Колдунов, Ясьень, все сторонятся. Мертвечину мы за руку водим. И нет той воды, которой я отмоюсь.

И воспитанник Строка понял. Оттого ли понял, что назвал его наузник взрослым именем, оттого ли, что голос у говорившего был каким-то особенным, а может, просто объяснил он ему хорошо. Понял, что такого, как стоящий рядом мужчина, к покойникам зовут, а не к печи. Боятся люди колдунов. Боятся до одури. Как сам он, Яська, боится...

Тамир уехал на следующее утро. Обнял отца, оставил на столе тяжелый кошель с деньгами: «Чтоб горшки в печи пустыми не стояли», — и был таков. Строк тихонько плакал, глядя вслед сыну. Куда и зачем он едет, какая нужда его гонит в

дорогу, старик не спрашивал. Сердцем понимал: все чужое тут сыну — и город, и дом, да и сам он. А потому отец молил Хранителей послать его единственному ребенку мира на том нелегком пути, который суждено тому было пройти в одиночестве и ночной мгле.

Когда из-за деревьев показались заостренные бревна тына, Ихтор подумал — мерещится. Однако незнакомая заимка никуда не делась даже после того, как он взгляделся пристальнее. Над крепкими воротами был прибит волчий череп, который, согласно поверьям, отпугивал волколаков. И все-таки здешние обитатели не полагались на одни только выбеленные ветром и непогодой кости. Обережные резы красовались на столбах и по низу частокола. Надежно поставлено.

Целитель направил лошадь к воротам и постучал. Он пробирался через чащу уже сутки и за это время не встретил ни одного поселения. Три оставленных позади веси не подарили страннику встречи с Осененными, потому ехал он безрадостный, да еще и уставший.

На громкий стук за воротами послышались шаги и звонкий крик:

— Что ж ты дубасишь-то так, окаянный, ведь со столбов снимешь!

А когда тяжелая створка поплыла в сторону, перед чужаком предстала молодая стройная девушка с белым, густо обсыпанным веснушками лицом и косой цвета палой листвы. У нее были широкие прямые брови, полные красивые губы и глаза удивительного темно-янтарного цвета. Одета незнакомка оказалась в длинную рубаху, по подолу вышитую суровыми нитками, и шерстяную безрукавку.

— Ой... — удивилась обитательница заимки. — Никак обережник припожаловал в глушь нашу?

И она отступила, пропуская странника.

— Мира в дому, — сказал тот.

— Мира в пути, — эхом последовал ответ.

Ихтор въехал во двор и неторопливо спешил. Он знал: его изуродованное лицо пугает женщин, а потому давал хозяйке время привыкнуть, чтобы не дичилась, не боялась и не отводила в смущении глаз.

Который уж раз целитель подумал, а не послать ли все к Встрешнику и не спрятать ли растерзанную плоть под повяз-

кой? Останавливало лишь то, что под повязкой кожа потела, а старые шрамы принимались нестерпимо зудеть. Ладно, пусть смотрит, чего уж там.

Он повернулся.

Девушка улыбнулась, откинула за спину длинную тяжелую косу и весело сказала:

— Долгонько, господин, ты странствуешь, вон конь-то тяжело как ступает. Замаял ты его. Ну, идемте, отдохнете оба.

Ихтор с удивлением посмотрел в ее открытое ясное лицо. Крефф впервые столкнулся с таким приемом. Будто бы его давно тут знали. И не только знали, но и ждали. Видят Хранители, это настораживало.

— Спасибо, хозяйюшка.

— Не за что, колдун, — кивнула незнакомка. — Меня зовут Огняна. Проходи, баня как раз натоплена.

И она поманила его за собой. Обережник удивленно смотрел на прямую спину, на бледно-рыжий затылок и ореол тонких золотых волосков, дрожащий над головой. Странная девка. Не испугалась. Вопросов не задает.

— Как уж на нашу займку-то вынесло тебя? — тем временем удивлялась Огняна. — Сроду все мимо ездили, болот здешних сторонясь. Идем, идем...

Лекарь настороженно озирался. Двор за тыном раскинулся просторный, с клетями, крепкой избой, сушилами и овином. На веревках, натянутых вдоль забора, реяли в ряд несколько постиранных мужских рубах. Но чего-то как будто не хватало. Мужчина озирался, силясь понять, и вдруг дошел: будка собачья стояла пустой, и пес на появление чужака не отозвался, не принялся брехать.

— А где же у вас дворняга-то, хозяйюшка? — спросил удивленный крефф.

Девушка обернулась, одарила его печальной улыбкой, от которой сделалась еще милее, и ответила:

— Волк нашего Рыка разодрал на охоте. Нового пса вот как раз братья с отцом из города привезут. А может, и двоих — кобеля да суку. Пускай себе плодятся. А то без лая их сиротливо как-то. Бояться-то нам некого за забором таким, но что за двор без собаки? У меня вон кошки... — она махнула рукой куда-то в сторону, — и те затосковали.

Ихтор усмехнулся. Кошек на подворье и впрямь было великое множество, три спали, вытянувшись, на солнцепеке, две

лениво вылизывались на пороге клетки. Несколько разноцветных мурлык катали в пыли берестяной завиток.

— Богато, — признал целитель.

Огняна хмыкнула:

— Меня недаром братья Кошачьей Мамкой зовут. Иные котят топят, а у меня рука не поднимается, вот и живут.

Крефф покачал головой, удивляясь:

— А с псом как же ладили?

— Да никак, — пожалала плечами девушка. — Они к нему и не подходили. А когда рыкнет — порскнут все в разные стороны, ищи их свищи. Кошка, она в любую щель просочится, лишь бы голова пролезла. А ему — лобастому — куда за ними гоняться? Полает, да и отойдет. Нам — смех, ему — развлечение. Так ты в баню-то пойдешь?

Обережник кивнул. После суток, проведенных в седле, хотелось отдыха.

— Ну, идем провожу. А как намоешься, накормлю. Только воды много не лей там. Я жду, может, братья с отцом нынче вернутся, им тоже освежиться захочется.

— А где ж мужик твой, где дети? — спросил идущий следом Ихтор.

Хозяйка была молодая, болтливая, но в годах далеко не самых девичьих. Уж за двадцать, наверное. Однако покрывала, как мужняя, не носила. От внезапного вопроса обитательница лесной заимки замерла, а потом сказала негромко:

— Сгиб муж. Волколак задрал. Детей нажать не успели.

Целитель виновато промолчал. Она была такая живая, беззаботная, что и не верилось, будто за спиной этой веселой, словно солнечный день, женщины стояла тень страшной потери.

...Когда он вышел из бани, хозяйка заимки сидела на лавке возле избы и трепала рыжую кошку, заставляя ту вырываться, сердиться и шипеть.

— Ну, идем, накормлю тебя, — кивнула девушка креффу.

Он вошел в дом, и показалось, будто не раз здесь бывал. Деревенские избы похожи меж собой, что верно, то верно, но все же не о том сходстве думалось. Огняна словно бы источала тепло. Рядом с ней все казалось каким-то родным, даже стены незнакомого ранее жилища.

— Садись. — Она кивнула на скамью у стола. — Похлебка у меня пшеничная да лепешки.

И принялась споровисто накрывать на стол. Утвердила пузатый горшок, исходящий паром, миску, ложку, в деревянный ковш-уточку налила холодного кваса, принесенного с ледника, выложила на плоское блюдо лепешки...

— Что? — удивилась девушка. — Что ты так смотришь?

Крефф покачал головой и молча принялся есть. Она ни о чем не спрашивала. Ему не хотелось говорить. В избе было тихо, уютно... Ихтору вспомнилось детство, дом, где он вырос, мать, которую он уже почти забыл. У них тоже было тихо и уютно, а летом в раскрытую дверь проливалось солнце, ложилось длинной полоской на дощатом полу, и видимые в его лучах пылинки танцевали бесконечный танец...

— ...с тобой?

Обережник очнулся, поняв, что на несколько мгновений так глубоко ушел в себя, что перестал слышать Огняну.

— Что?

— Случилось чего с тобой? — повторила хозяйка. — Зверь дикий напал?

И она кивнула на его обезображенное лицо.

— Напал, — кивнул Ихтор. — Оборотень.

— Ой... — покачала рыжей головой девушка. — Страсть-то какая!

Крефф пожал плечами. Он по первости долго привыкал к тому, что навсегда стал уродом, но с годами смирился. Забыл даже, каково это — смотреть на мир двумя очами, каково это — когда девки не шарахаются, а бабы и старики не смотрят с жалостью.

— Небось девки тебя боятся? — угадала Огняна.

— Ты-то вон не испугалась, — усмехнулся лекарь.

Обитательница заимки рассмеялась:

— У нас тут редко люди бывают — в глуши такой, так что каждый за радость. А стать мужская, она не в красоте... — Янтарные глаза сверкнули.

— А в чем же? — спросил Ихтор, дивясь смелости вдовушки.

Но Огняна и тут его удивила, ответив:

— Стать мужская — здесь, — и легонько постучала пальцем по здоровому виску гостя, потом задумалась и добавила: — И здесь.

Теплая ладонь слегка коснулась широкой груди.

— С лица воды не пить. Так матушка говаривала. А мужик добрым должен быть и умным. С таким хоть до ста лет живи — горя знать не будешь. Ну, наелся ты?

— Да. — Он отодвинул миску и посмотрел в отвлоченное окно. На лес опускались сумерки.

Целитель перевел взгляд на девушку:

— Видать, сегодня родичи твои уже не возвратятся. Темнеет.

Рыжка грустно кивнула:

— Небось на торгу задержались, а может, свататься поехали. Отец хотел парням невест подобрать. Они уж взрослые у нас — по восемнадцать весен.

Ихтор улыбнулся:

— Близнецы?

Девушка в ответ махнула с усмешкой рукой:

— Тройняшки. Всю душу в молодчестве вымотали. Мать-то в родах померла. Вот отец нас один и тянул. Да я помогала. Хотя чего я там напomoгать могла в семь-то лет... Эх.

И Огняна горько покачала головой. Целитель смотрел на ее живое, часто меняющееся от веселья к грусти, от грусти к радости лицо и любовался в душе. Следующий вопрос — неловкий, неуместный — сорвался с губ сам собой:

— А тебя что ж до сих пор не сговорили?

Сказал и осекся.

Но хозяйка не обиделась, посмотрела на него серьезно и ответила:

— А ты бы в дом сыну своему бабу вдовую да еще и бездетную взял бы? — и тут же просветлела, уводя разговор в другую сторону: — Ты мне лучше скажи, почто в глушь нашу заехал? Ищешь кого али заплутал?

Он улыбнулся:

— Ищу. Детей с Даром ищу.

— Колдунов, что ли? — удивилась девушка. — Ишь ты. Вот ведь доля у вас... — И Огняна покачала головой: — Тяжко, поди, ярмо-то это носить?

Мужчина сперва не понял, о каком ярме она толкует, но через миг дошел.

— Дар-то?

— Ну да, — кивнула собеседница. — Поди, иной раз хочется просто дома посидеть у печи, кота вон погладить. Хоть какой да уют. Не в седле же с утра до ночи трястись.

Ихтор в очередной раз улыбнулся. С ней было легко и приятно беседовать, будто бы знакомы они были давно. А еще в Огняне необъяснимо соединялась девичья прелесть, женский

ум и детская прямота. Лекарь уже открыл рот, чтобы ответить, однако не успел произнести ни звука: в сенях яростно завыли коты.

— Ах вы, окаянные! — всплеснула руками Огняна и вылетела прочь из избы.

С усмешкой Ихтор слушал, как она распекает хвостатых крикунов:

— Совсем очумели? А ну — кшыть! Гостя не тревожьте!

Она еще некоторое время честила своих подопечных, но беззлобно, весело, больше для отвода души. А когда вернулась в избу, принялась стелить Ихтору на лавке в углу у печи, за занавеской, там, где видимо, спала сама.

— Ты ложись, ложись... Дураки эти до утра орать будут. Но я их, если совсем раскричатся, выйду, пугну, чтоб не мешали тебе. Отдыхай. Я постелила уже.

Крефф кивнул. Крики котов его не смущали.

Поэтому он улегся, с наслаждением вытягиваясь на широкой лавке. За занавеской слабо сияла лучина, и слышалось тихое жужжание веретена. Огняна села пряхсть. Ихтор закрыл глаза. Мягкий сенник пах сухой травой и домом. От этого обережнику было спокойно, уютно. Да еще где-то на печи громко и раскатисто урчала кошка, убаюкивая уставшего странника монотонным пением.

Сквозь плотную дрему он слышал, как Огняна снова шикнула на разбуянившихся котов, как те обиженно взвизгнули, когда она кинула в них тряпкой. А потом крефф разобрал шуршание одежды — хозяйка забралась на печь и улеглась, укрывшись одеялом.

В избе было тихо и темно, и от осознания, что где-то совсем рядом спит девушка с рыжими пушистыми волосами, становилось теплее на душе.

Гость уехал утром. Огняна накормила его кашей и блинами, завернула этих же лакомств в холстину:

— На вот, поешь. Встрешник с этими горшками — съешь, да и выкини. Что уж, горшков, что ли, мы не налепим... бери, бери...

Она так ласково, так настойчиво уговаривала, что крефф не нашел в себе сил отказаться. Так и сунула ему в руки горшок с кашей и деревянное блюдо с блинами. Ихтору сделалось смешно, однако в происходящем было столько тепла и заботы,

что ему вновь поблазнилось, будто Огняна — родной человек. А от заботы родни как отнекаешься?

Целитель принял снедь, убрал в переметные сумы, а в душе шевельнулась... грусть. Захотелось однажды снова сюда вернуться. А еще, паче чаяния, и вовсе не уезжать. Поэтому он сучо поблагодарил хозяйку и направил коня со двора.

Девушка стояла в распахнутых воротах и смотрела колдуну вслед.

— Эх, горе ты горькое, — пробормотала она себе под нос, а потом закрыла тяжелую створку.

Мужчина ей понравился. И, пожалуй, приятно было, что он не отказался и взял с собой ее стряпню. Огняна вздохнула и отправилась вновь топить баню, поджидая отца и братьев. Сонная кошка, лежавшая на пороге дома, широко зевнула, проводила хозяйку взглядом желтых глаз и снова уронила голову на лапы.

Ихтор остановился на привал в середине дня. Конь беспокоился и прядал ушами, видать, чувствовал зверя где-то в чаще. Крефф решил дать роздых волнующемуся жеребцу. Спешился, погладил по беспокойно дергающейся шее. Прислушался. Тихо, только ветер гуляет в кронах.

— Ну что ты, что ты, — ласково уговаривал обережник.

Мало-помалу спокойствие хозяина передалось и животному.

Лишь после этого целитель снял поклажу и отпустил коня пасться, но тот все равно время от времени тревожно вскидывал голову. Поэтому, устраиваясь поесть, мужчина все-таки положил под руку оружие. Ну как и правда вынырнет из чащи хищник?

Странник неторопливо жевал остывшую кашу, когда возле переметной сумы, лежащей в траве, что-то завозилось. Ихтор прислушался, удивленно отставил в сторону Огнянин горшок и подошел к поклаже. Отрывистое негодующее «мяв». Еще раз, и еще. Крефф наклонился и увидел рядом с мешком запутавшегося лапой в завязках рыжего кота.

— Ты откуда? — спросил мужчина, поднимая находку за холку и поворачивая перед глазами то так, то эдак.

Кот безропотно висел, не пытаясь вывернуться. Был он рыжий-рыжий, но не полосатый, а покрытый темно-ржавыми

разводами. Подпушек оказался желтым, как и глаза, с надеждой заглядывающие Ихтору в душу.

Целитель хмыкнул, перевернул мурлыку, подул между задних лапок. Кошка. Новообретенная попутчица возмутилась таким обращением, вырвалась и стукнула креффа лапой, после чего нахально и неторопливо подошла к горшку с кашей, опустила туда морду и принялась чавкать. Ихтор рассмеялся. Одна из Огняниных подопечных. Видать, забралась в суму спать, да так и попалась.

— Как же назвать тебя? — задумчиво спросил человек у животного. — Огняной?

И сам усмехнулся неловкой шутке.

Знатную памятку оставила о себе девушка, куда там горшкам...

— Будешь Рыжкой. — Тяжелая ладонь погладила тонкую спинку с выступающими позвонками.

Кошка вынула недоумевающую морду из горшка, посмотрела на человека янтарными глазами и снова погрузилась в недра посуды. Через некоторое время она надменно покинула место трапезы, уселась в стороне и принялась умываться. Ихтор, посмеиваясь над ней и над собой, доел остатки каши и, подхватив неожиданную спутницу на руки, вытянулся с ней на траве.

Некоторое время все трое блаженствовали. Конь пасся, пощипывая молодую траву, кошка мурлыкала под руками, человек дремал. А потом отправились в путь. Рыжка нырнула в суму, в которой и поехала, высунув любопытную морду и поглядывая на проплывающие мимо деревья.

Последующие седмицы странствий креффа не раз ловил себя на мысли, что совсем выжил из ума на старости лет — таскает с собой кошку. На него и в деревнях глядели с недоумением — колдун с котенком... Однако Рыжка была полна достоинства, с котами не зналась, держалась ближе к человеку, иногда царапала его, если совсем надоедал, обижалась, если не надоедал, и уходила спать, забравшись в его сапоги. Словом, капризничала, как всякая кошка, шипела на собак, играла с детьми, а в день отъезда важно восседала на переметных сумах, ожидая, когда человек устроит ее с удобствами.

К окончанию странствий креффа и Рыжка так привыкли друг к другу, что, несмотря на удивленные взгляды людей, спали и даже ели только вместе. Стоило мужчине улечься, ры-

жая спутница тут же взбиралась ему на грудь и принималась громко и старательно урчать. За столом она сидела на коленях у хозяина и норовила засунуть в тарелку морду вместе с усами. Получала щелчок по лбу, обижалась, гордо разворачивалась, провозила хвостом по содержимому миски и уходила.

Однажды, когда Ихтор не выдержал и щелкнул по рыжей морде особенно сильно, Рыжка выказала ему всю глубину своего презрения, напакостив на сапоги. После чего злорадно слушала из-за печи его ругань.

После этой их ссоры обережник выудил кошку и, засунув в переметную суму, плотно завязал горловину. Рыжка обиженно выла всю дорогу, ругаясь на колдуна на только ей одной ведомом языке. Потом устала и уснула под мерное покачивание.

А проснулась оттого, что из мрака седельной сумы человек извлек ее на залитый солнцем двор. Кошка стремительно вскарабкалась по рукаву креффа на плечо и испуганно зашипела: над ней возвышалась невиданной высоты каменная громада.

— Вот и приехали, — сказал Ихтор, осторожно снимая спутницу с плеча.

Рыжка мявкнула, огляделась и потерлась об изуродованную щеку колдуна, призывая помириться.

— Ох, лукавая, — усмехнулся он и погладил пушистую морду. — Ну, идем, покажу, где жить теперь будешь.

В топоте лошадиных копыт Лесане изо дня в день слышалось одно и то же: «Домой. Домой. Домой!» А большак, что тянулся от Цитадели, расходился, словно река ручейками, на тракты, вился среди полей и лесов. Все ближе и ближе родная весь. Вот и места знакомые... Сердце затрепетало. Еще несколько оборотов — и покажутся памятные до последней доски ворота и родной тын, окруженный старыми липами!

Что ее там ждет? Как встретят? Живы ли все? Здоровы ли? Хотелось пришпорить лошадь, отправить в галоп, да нельзя на лесной тропе.

Но вот чаща расступилась, явив частокол из заостренных бревен с потемневшими защитными резами. Лесана натянула повод и замерла в седле. Ничего здесь не изменилось. Те же липы, та же пыльная дорога, и на створке ворот неровная черта — то бык дядьки Гляда рогом прочертил еще лет восемь на-

зад. Мужики тогда на него всей деревней вышли — еле свалили проклятого, так лютовал. Оказалось, шершень укусил.

Девушка стискивала в руках узду и не решалась направить лошадь вперед. Воспоминания детства навалились, замелькали перед глазами. словно и не было пяти лет...

Когда обережница въехала в деревню, на улице было тихо. Лишь игравшие в пыли ребяташки с удивлением открыли рты, глядя на незнакомого вершника в черном облачении. Из-за спины чужина виднелась рукоять меча, а взгляд холодных глаз был пронзителен и остер. Малышня порскнула в стороны, и Лесана спрятала улыбку — будет теперь у них разговоров!

Вот и знакомый куст калины... Девушка спешила и, ведя кобылу в поводу, вошла на двор. На звук открывающихся ворот стоящая возле хлева женщина в простой посконной рубахе обернулась, и послушница Цитадели узнала мать. Постаревшую, поседевшую, но по-прежнему родную. Лесана уже собралась броситься к ней, но старшая Остриковна сама пошла навстречу, поспешно оправляя на голове платок.

Девушка хотела раскинуть руки, однако мать замерла в нескольких шагах от нее, поклонилась и сказала:

— Мира в пути, обережник.

Земля под ногами дочери закачалась.

Не признала.

— Мама... мамочка, — хрипло выдавила обережница, — ты что? Это же я — Лесана...

Остриковну будто хватил столбняк, она застыла и близоуко прищурилась:

— Дочка? — Женщина неверяще взгляделась в лицо незнакомого странника.

От дочери ее родной остались на том лице только глаза. И глаза эти сейчас смотрели с такой тревогой, что стало ясно — вот эта высокая, худая, черная, как ворон, девка и есть ее оплаканное дитя.

— Лесана!!!

На крик матери — надрывный, хриплый — из избы выскочила красивая статная девушка.

— Стеша, Стеша, радость-то какая! Сестрица твоя вернулась! — Женщина повернула к молодой заплаканное лицо, продолжая висеть на облаченном в черную одежду парне.

Стояна глядела с недоумением, но уже через миг всплеснула руками и взвизгнула:

— Батюшки! — и тут же кинулась к обнимающимся.

Лесана обнимала их обеих — плачущих, смеющихся — и чувствовала, как оттаивает душа. От матери пахло хлебом и молоком — позабытый, но такой родной запах. Стешку теперь было и не узнать: в волосах вышитая лента, на наливном белом теле женская рубаха, опояска плетеная с привесками, толстая коса свисает едва не до колен.

Вот так.

Уезжала от дитя неразумного, а вернулась и увидела в сестре себя. Да не нынешнюю, а ту, прежнюю, которая пять лет назад покинула отчий дом, уходя следом за креффом. Ту, которой Лесане не стать более никогда.

— Ты, дочка, прости, что хлебово-то у нас без приварка. Разве ж знали мы, что радость такая нынче случится... ты ешь, ешь, — суетилась мать, отчаянно стыдящаяся, что встречает дорогое дитя пустыми щами с крапивой, — сметанкой вот забели.

И она подвигала ближе плошку с густой сметаной.

— Мама, вкусно, — кивала Лесана, неторопливо жуя и с жадным любопытством оглядываясь вокруг.

За пять лет в избе ничего не изменилось. Та же вышитая занавеска, что отгораживает родительский кут. Те же полки вдоль стен с безыскусной утварью. Старенький ухват у печи стоит на прежнем месте. Ведро деревянное с водой в углу. Все как в день ее отъезда, только старее.

Хлопнула дверь. В избу вошел отец: заполошный, взволнованный. Из-за его спины выглядывал, блестя любопытными глазами, вихрастый белобрысый мальчишка.

— Мира, дочка... — Отец нерешительно шагнул к столу, не признавая в жилистом парне родное дитя, и порывисто, но при этом неловко обнял за плечи.

— Садись, садись, Юрдон, — зачатила мать, спешно меча на стол щербатые глиняные миски. — И ты, Руська, садись, нечего впусе на сестру пялиться.

Обедали в молчании. Как заведено. И всем при этом было одинаково неловко. Лесану раздирали десятки вопросов, Стояна отчаянно робела, глядя на девку-парня, мать с отцом пытались сделать вид, будто не испытывают замешательства, и

только Руська жадными глазами глядел на висящий на стене меч. Ух, как хотелось поглядеть на него, вытащенный из ножен, подержать в руках! Да разве ж позволят...

Наконец отец оставил ложку, поймал обеспокоенный взгляд жены, кашлянул, что-то попытался сказать, да так и замолчал, не найдя за душой нужных слов. Тогда Млада Остриковна, отринув заветы предков, воспрещавших жене раскрывать рот поперед мужа, не выдержала:

— Дочка, как уж доехала-то ты? Нешто одна?

Лесана в ответ беззаботно кивнула:

— А с кем же? Одна. Хорошо в лесу! Спокойно. А звезды какие ночами...

Она осеклась, увидев, как испуганно переглянулись родители.

— Мама, да ты не пугайся. Я ж ратоборец. Мне с потемками в доме не нужно прятаться. Вот только... — девушка помрачнела лицом, — гостинцев не привезла. Побоялась не угадать. Давно вас не видела. Подумала, уж лучше вы сами...

На стол лег тяжелый кожаный кошель.

Отец, с удивлением глядя на дочь, ослабил кожаный шнурок, и по столу рассыпались тускло блестящие монеты. Столько денег зараз в Остриковом роду никогда в руках не держали.

— Откуда ж... — удивленно сглотнул Юрдон.

— То плата моя как выученицы — за обозы. — Лесана улыбнулась.

Все, что они с Клесхом зарабатывали, наставник делил пополам. Вот только тратить звонкую монету было не на что: две трети заработка шли на оброчные Цитадели, остальные ждали своего часа. На что их было пустить? Ни лент, ни бус, ни рубах вышитых не нужно. Все добро немудреное в двух седельных суммах умещается.

— А ты обозы уже водишь? — не утерпел тем временем Руська.

— Года два как, — ответила девушка.

— И Ходящих убивала? — подался вперед братишка.

— Доводилось, — ровно ответила сестра.

Мать и Стояна вздрогнули, отец только крикнул. Повисла гнетущая тишина. Лесана поторопилась ее развеять — пошарила в лежащем на лавке заплечнике и извлекла оттуда свиток с восковой печатью.

— Надо бы за дядькой Ерсеем послать, грамоту на деревню отдать, — сказала она, обращаясь к отцу.

— Дочка, дак Ерсей еще в прошлом годе по осени помер, — растерялся тот. — Яблоню старую рубил, а топор с топорича-то возьми да и соскочи. Прямехонько в переносицу. Нерун ныне староста.

Млада нарочито громко захлопотала у стола, боясь, что имя отца Мируты расстроит дочь. Однако девушка лишь пожалала плечами:

— Ну, значит, ему передам. Да и сороку проверить надобно, а то мало ли...

Не услышав в ее голосе ни боли, ни досады, мать успокоилась, а Стояна, все это время сидевшая молча, осмелела и влезла в разговор:

— Поди, узнает староста, кем Лесана стала, локти себе сгрызет: такую сноху проворонил... — Она хотела добавить что-то еще, но под грозным взглядом отца осеклась и покраснела.

— Да ну их, — отмахнулась бережница и повернулась к матери: — Я бы в баню ходила.

— Иди, иди, отец затопил, — вновь засуетилась Млада и полезла в сундук за чистыми холстинами и одеждой.

Отец тем временем тоже встал и с привычной властностью в голосе заговорил:

— Намоешься как — переодевайся. В порты, гляди, не рядись, чай не парень. А голову-то покрывалом укрой. Оно, конечно, не мужняя ты, да только без косы и вовсе срам. За полдень к Неруну пойдем. Только недолго плескайся, негоже старосту от дел отвлекать.

Под этими словами Лесана будто окаменела. Медленно поднялась из-за стола и прожгла родителя взглядом, в котором не было ни девичьей робости, ни дочерней покорности. Тяжелым был этот взгляд. Мужским. Юрдон под ним как-то сжался, осел обратно на скамью и побледнел. А дочь сухо проговорила:

— Это тебе он староста. Мне — никто. Надо мной только Глава Цитадели власть имеет. Вот к нему я на поклон хожу, когда надобно. А к Неруну твоему шага не сделаю. Чтоб, когда из бани вернусь, он тут вот сидел и ждал. Да передай: ежели узнаю, что сорока сгибла, а новой он не озаботился — за бороду на сосне подвешу.